

Наживин Иван Федорович

Среди потухших маяков

Из записок беженца

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Федорович Н.**
Среди потухших маяков: Из записок беженца / Наживин Иван Федорович –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 242 с.

ISBN 978-5-519-98551-2

ISBN 978-5-519-98551-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

человѣкъ, а чаще всего простой и поганый спекулянтишка, а потому и снаружи будетъ соотвѣтственно. И не сегодня, такъ завтра придутъ эти человѣко-волки, властные и могучіе, мощно уgomонять желѣзной рукой всѣхъ этихъ оворниковъ и трусовъ одновременно, разставятъ ихъ по своимъ мѣстамъ и всемилостивѣйше повелятъ имъ работать. И мы, Икаръ, увидимъ и это будетъ тягчайшимъ наказаніемъ для насъ, какъ эти милліоны мелкихъ жуликовъ, въ которыхъ мы, опьяненные своими собственными красивыми словами, думали видѣть Прометеевъ, бухнутся на колѣни и будутъ благодарно цѣловать карающую ихъ десницу, и — жизнь потечетъ такъ, какъ текла она тысячи лѣтъ тому назадъ и какъ она будетъ течь тысячи лѣтъ спустя послѣ насъ. И такъ какъ также будутъ цвѣсти ландыши по солнечнымъ рощамъ, и будутъ улыбаться прекрасныя дѣвушки, и будутъ строить облака свои воздушныя замки въ нечерняющемъ небѣ, и будутъ такъ же солонны слезы человѣческія, и такъ же благоуханны маленькія человѣческія радости, то и будутъ люди, забывъ о нашихъ могилахъ, весело жить этой своей обычной, совсѣмъ не прометеевской жизнью, впредь до новаго приступа дурачества. А тогда опять и опять будетъ кровь, и снова будетъ скакать артиллерія, давя колесами раненыхъ, снова запылаютъ города и села, и снова поднимется дикій бунтъ массъ, которыя не найдутъ въ тысячный разъ въ боинѣ ничего, что имъ въ началѣ бойни всегда обѣщается, и будутъ и жесты, и пышныя рѣчи, и вернется на землю вѣковѣчный Керенскій и снова обманетъ всѣхъ, начиная съ самого себя, и — снова возвратится рѣка въ берега свои... Такъ было и ничего другого и не будетъ...

Въ книгѣ этой много тяжелыхъ противорѣчій. Это просто одна сплошная ткань изъ противорѣчій. Это не удивительно, ибо время, которое мы съ такимъ мучительнымъ напряженіемъ переживаемъ, есть прежде всего *смутное* время, и смута эта выражается не только внѣшне, но и въ душѣ человѣческой живетъ она, даже больше: если бы не было этой смуты въ душѣ, не было бы ее и въ жизни, ибо человѣкъ, у котораго

ясно въ душѣ, знаетъ, что дѣлать. Мы же бредемъ жизнью среди потухшихъ маяковъ и куда придемъ мы и какъ, мы не знаемъ. Вѣрнѣ всего, къ той самой печкѣ, отъ которой мы и пошли танцовать. И если въ этихъ безконечныхъ противорѣчiяхъ, въ этой мучительной борьбѣ всякихъ за и противъ мнѣ удалось выявить отличительную черту нашего времени, смутную душу человѣка, то цѣль моя достигнута.

Вы кричите... Право, не стойтъ! Крикъ пустяки, крикъ — обманъ, подъ крикомъ дѣти и дикари часто прячутъ свою олабость и свой — страхъ. Ту пропасть, которая раскрылась подъ нашими ногами, крикомъ не заполнишь, какъ не заполнишь ее и тѣми «фигурами умолчанiя», къ которымъ прибѣгаютъ — не совсѣмъ простодушно — профессора, говорящіе намъ о крушенiи утопизма, но замалчивающіе такое же крушенiе того общественнаго порядка, который порождалъ утопизмъ...

Надо говорить, и говорить до конца, и говорить только правду, ибо — какъ хорошо сказалъ одинъ молодой поэтъ, —

Всѣ тропинки жизни спутались клубкомъ,
Точно кто-то спуталъ ихъ, играя,
Выходы всѣ крѣпкимъ заперла замкомъ,
Заперла надолго доля злая.

Я не знаю, можно-ль будетъ отдохнуть,
Тихо таютъ грѣзы, умирая, —
Вѣдь, пока ищу я жизни вѣрный путь,
Гаснетъ жизнь печально дорогая...

I.

Загрѣла якорная цѣпь, тяжело бухнулъ огромный якорь въ воду, «Аоонъ» остановился. Нашъ эмигрантскій улей возбужденно загудѣлъ. Многіе наивно думали, что вотъ еще полчася и насъ всѣхъ спустятъ на берегъ. Не тутъ-то было! Между пароходомъ и берегомъ дѣловито забѣгали моторы, а по пароходу стали ползать всякіе слухи, плоды того истинно-русскаго безпроводочнаго телеграфа, который такъ отравляетъ жизнь всюду, гдѣ только появляются русскіе люди: одни увѣряли, что насъ будутъ держать въ карантинѣ двѣ недѣли, хотя заразныхъ болѣзней у насъ и не было, другіе утверждали, что переполненная Варна не хочетъ принимать насъ совсѣмъ и мы идемъ въ Константинополь, третьи заявляли, что и въ Константинополь высадка допущена не будетъ и, вѣроятно же всего, насъ повезутъ въ Салоники или же... вернуть въ Крымъ... И всѣ волновались, спорили, ссорились, отчаявались...

Еще одну ночь провели мы кто въ желѣзныхъ, насквозь промерзшихъ трюмахъ, кто въ невѣроятной давкъ теплыхъ помѣщеній, занятыхъ счастливыми, а на утро насъ подтянули къ пристанямъ и — поставили военные караулы, чтобы ни одна душа не вышла на берегъ. На борту нѣсколько разъ появлялись представители болгарской власти, офицеры, портовой врачъ, всѣ выпивали у капитана исправно, всѣ закусывали, всѣ совершенно очевидно были готовы сдѣлать для насъ все возможное, чтобы только спустить насъ на берегъ и вообще всячески облегчить нашу участь, но административная машина работала своимъ

порядкомъ и томительно тянулся часъ за часомъ, а толку не было. И не только не было толку, у многихъ не было уже и продовольствія, а буфетчикъ сразу поднялъ цѣну за обѣдъ до 1000 р., да и по этой сумасшедшей цѣнѣ обѣдъ отпускался только класснымъ пассажирамъ... Раздались голодные, злые голоса, вопіявшіе о спускѣ на берегъ. Какой-то актеръ скандалилъ, показывая братушкамъ свою медаль за участіе въ какой-то болгарской войнѣ, но братушки были невозмутимы и блестящій штыкъ упорно загоразживалъ дорогу всякому, кто слишкомъ ужъ рвался по трапу на желанный берегъ. И одни стали нелѣпо требовать, чтобы насъ везли въ Константинополь, другіе выражали желаніе возвратиться въ Севастополь, но растерянная пароходная администрація сотни разъ объясняла скандалистамъ, что до Севастополя у насъ не хватитъ угля, а противъ Константинополя возставали и сами пассажиры: слухи о тамошнихъ цѣнахъ огромному большинству изъ насъ, не имѣющихъ ни брилліантовъ, ни мѣховъ, ни валюты, внушали дикій ужасъ... Впрочемъ, по тѣмъ цѣнамъ, которые брали съ насъ подходившіе къ борту разношники съ бубликами, сосисками и проч., видно было, что съ русской «валютой» и здѣсь будетъ очень жарко.

И опять томительно потянулись долгіе часы. Насъ доброжелательно попрыскали чѣмъ-то пахучимъ, — да проститъ Господь болгарскія власти: они дерзостно называли это дезинфекціей!.. — потомъ стали составлять какіе-то именныя списки, потомъ стали раздавать какія-то «личныя карты», смысла которыхъ я такъ и не понялъ, ибо когда, протаскавъ эту карту уже на берегу нѣсколько дней въ карманѣ, я, наконецъ, выбросилъ ее, то никакого неудобства отъ этого я не испыталъ... потомъ спустили человѣкъ десять для закупки провизіи для всѣхъ на берегъ. Конечно, делегаты эти накупили пирожного и вина только для себя, а въ утѣшеніе остальнымъ они объявили, что завтра уже несомнѣнно выгрузка.

Прошла еще ужасная ночь въ нестерпимомъ холодѣ желѣзнаго трюма. Наступилъ и желанный часъ вы-

грузки. Носильщиковъ никакихъ не было и потому матросы, смотряшіе на всѣхъ насъ, какъ на буржуазовъ, недорѣзанныхъ только по какому-то непростительному униженію, брали съ насъ за выгрузку все, что только хотѣли. Чтобы только спустить мой очень скромный багажъ на веревкѣ съ парохода на пристань работа трехъ минутъ я отдалъ 1000 р. Въ дикой суматохѣ сошла, наконецъ, и моя семья. Пошелъ и я.

Вашъ паспортъ! — сказалъ приставъ, котораго всѣ мы считали въ эти нудные дни исчадіемъ ада, но который былъ только просто добросовѣстный приставъ.

Я предъявилъ ему паспортъ, выданный мнѣ черноморскимъ губернаторомъ и весь измазанный вдоль и поперекъ всяческими визами: французская, контръ-развѣдки, румынская, болгарская, сербская, безъ конца...

Нѣтъ, не этотъ прошу васъ, а настоящий... сказалъ приставъ, выразительно глядя мнѣ въ глаза. У васъ долженъ быть и настоящий...

— Это мой единственный паспортъ. Другого нѣтъ...

Нѣтъ, долженъ быть настоящий... — еще значительно проговорилъ приставъ. Ну-съ?..

Другого нѣтъ.

Тогда я не спущу васъ съ парохода...

Но у меня семья уже сошла...

Вернемъ и семью... Давайте настоящий паспортъ!..

Я положительно началъ трусить: въ дикомъ сумбурѣ эмиграціи такая исторійка могла кончиться очень не весело. Меня, видимо, считали тайнымъ большевикомъ. Но въ дѣло вмѣшался одинъ изъ губернаторовъ-эмигрантовъ въ генеральской формѣ и меня, наконецъ, выпустили. Черезъ нѣсколько минутъ маленькая, напряженная маленькимъ осликомъ по болгарски его звали «магари», а дѣти тотчасъ же передѣляли это въ «Макарій», была верхомъ нагружена напимъ убогимъ скарбомъ. Левикъ съ Вѣрунькой радостно вагромазились наверхъ и мы, сопровождаемые взглядами любопытныхъ, въ длинной вереницѣ другихъ бѣженцевъ, быстро пошли чистенькими улочками когда-то тихаго, но почти европейскаго на-видъ городка,

направляясь въ «Торговьску Школу», гдѣ русскимъ бѣженцамъ было любезно отведено для помѣщенія нѣсколько классовъ. И первое, что мнѣ бросилось въ глаза на улицахъ городка, это была большая афиша, которой всѣ извѣщались, что въ такомъ-то залѣ, такого-то числа докторъ такой то прочтетъ рефератъ на тему: «Взбаламучено море и смятена душа». Это было какъ-бы отвѣтомъ на тотъ безмолвный вопросъ, который стоялъ въ душѣ каждого изъ насъ: а что ожидаетъ насъ теперь въ Европѣ? И вотъ маленький городокъ, затерявшійся на самой границы этой Европы, тихо и многозначительно отвѣчалъ намъ: «взбаламучено море и смятена душа». И тревожно стало на сердцѣ: не бурь, не смятенія пришли мы искать сюда, но отдыха отъ бурь, тишины, спокойнаго, увѣреннаго въ завтрашнемъ днѣ труда, всего, о чемъ такъ истосковалась душа среди кровавыхъ кошмаровъ несчастной Россіи...

Но вотъ и «Торговьска Школа», громадное и красивое зданіе почти на самой окраинѣ города. Вокругъ него точно встревоженный муравейникъ: тутъ и торговцы съ лотковъ, и извозчики, и бѣженцы, и мѣстные гимназисты, и наши военно-плѣнные, которые смотрятъ волкомъ, и французскіе солдаты, держащіе себя весьма развязно и вызывающе у населенія совсѣмъ недвусмысленныя чувства... Заглянули мы въ отведенные намъ классы и сердце замерло: грязь, тѣснота, вши!.. А про уборныя и говорить нечего: отдѣлали ихъ наши немлячки такъ, что смотрѣть страшно! И тутъ эта россійская нечистоплотность особенно безобразна, особенно бьетъ: тѣсное сожителство болгаръ съ магометанами-турками привило ихъ въ этомъ отношеніи къ особенно тщательной чистотѣ. Мы прямо растерялись: немыслимо остаться въ этой клоакѣ! Болгары — до самыхъ маленькихъ гимназистиковъ включительно, — самымъ сердечнымъ образомъ наперебой предлагали намъ свою помощь по присканію комнатъ. И вотъ я побѣждалъ въ городѣ мѣнять деньги, а жена пошла съ какимъ-то гимназистикомъ смотрѣть комнаты, а когда я къ вечеру вернулся, довольно обезкураженный всѣмъ

видѣннымъ и слышаннымъ объ условіяхъ жизни вѣсь, у насъ были уже двѣ крошечныхъ каморочки въ окрестностяхъ города, среди садовъ, съ прелестнымъ видомъ на варненскій заливъ и на открытое море. Опять «Макарій», опять впередъ и вотъ мы уже въ нашихъ каморочкахъ у македонца-крестьянина и его говорливая и ласковая жена, Янка, то смѣясь, то хватаясь въ отчаяніи за голову, старается понять хоть что-нибудь изъ рѣчей ея гостей-братушекъ и почти ничего не понимаетъ...

Тѣснота у насъ страшная, но чисто, тепло, ласково и будущее какъ будто немножко яснѣетъ. И на другой же день мы поняли, какъ хорошо сдѣлали мы, уйдя изъ школы: тамъ вспыхнулъ сыпной тифъ. Бѣдные болгары!.. Они вполне опредѣленно знали о возможности этой заразы и тѣмъ не менѣе пустили насъ, безпріютныхъ, къ своимъ дѣтямъ...

Вообще, теперь же, на первыхъ шагахъ я долженъ отмѣтить исключительно задушевное, на рѣдкость сердечное отношеніе болгаръ къ намъ. Рабочіе, крестьяне, буржуазы, солдаты, даже дѣти, всѣ изъ всѣхъ силъ старались выказать намъ свое сочувствіе и по мѣрѣ силъ облегчить нашу тяжелую долю. И это не было политическимъ расчетомъ — ну, какой тамъ расчетъ у мужика или гимназистика? Нѣтъ, тутъ было что-то давнее, глубокое, искреннее, привычное... И, когда одна мѣстная большевистствующая газетка помѣстила враждебную эмигрантамъ статью, инсинуируя, что все это, дескать, обломки старого царскаго режима, благодаря которому Болгарія потеряла Добруджу, то выпадъ этотъ не нашелъ отклика въ широкихъ слояхъ населенія и только еще болѣе подчеркнул общую ласковость и сердечность.

Иду я на вокзалъ. На углу улицы кучка болгаръ.

— Въ Софію? — спрашиваютъ меня.

— Въ Софію...

— Ну, добрый часъ, братушка!.. Добрый часъ...

И всѣ подходятъ поочереды, чтобы пожать руку, и смотреть на тебя ласковыми глазами.

Къ одному моему знакомому, которому удалось

найти комнату въ гостинницѣ, чрезъ нѣсколько дней явился хозяинъ съ цѣлой пачкой счетовъ въ рукахъ и документально доказалъ ему, что эта комната всегда ходила по 40 левъ въ сутки. За эту же цѣну снялъ ее и мой знакомый.

— Но я буду считать съ васъ только по 30 левъ... — заключилъ хозяинъ.

Если на улицахъ вы обращаетесь къ кому-нибудь съ вопросомъ, какъ пройти вамъ куда-нибудь, то почти всегда спрашиваемый бросаетъ свое дѣло и, не смотря на всѣ ваши протесты, провожаетъ васъ до мѣста.

Моя дочь, Люся, вышла погулять съ Ангелинкой, дочерью нашего македонца. Ёдетъ извозчикъ мимо. Маленькая македонка дѣлится съ нимъ радостнымъ извѣстіемъ: она гуляетъ вотъ съ русской подругой! Извозчикъ усаживаетъ ихъ въ экипажъ и везетъ катать по городу...

Многіе и многіе, рассказывая обо всемъ этомъ приѣмѣ болгаръ, прямо не могли слезъ удержать. Эта теплота, эта ласка, въ особенности послѣ всеобщаго дикаго овлобленія тамъ, въ несчастной Россіи, переворачивала душу до дна. И всѣ разводили руками: да какъ же могли они при всемъ этомъ воевать съ нами? По истинѣ, забаламучено море и смятена душа во всей этой старой Европѣ!..

И болгары упорно отговаривали насъ отъ дальнѣйшаго движенія въ Сербію, увѣряя насъ, что тамъ лучше не будетъ — въ этомъ они оказались совершенно правы, — обѣщая насъ устроить подешевле, указывая на такія богатые и сытые мѣста, какъ Великое Тырново, на примѣръ, гдѣ всего было вволю. И цѣлый рядъ городовъ телеграфировалъ, что они тоже могутъ принять бѣженцевъ: Тырново — 1500, Плевна — 1200, Русчукъ — 1000. И это — опять подчеркиваю это — тѣмъ болѣе приходилось цѣнить, что всѣ эти мѣста были переполнены своими бѣженцами, которые не тысячами, но десятками тысячъ устремились въ старую Болгарію наъ Добруджи, Македоніи и другихъ провинцій, отторгнутыхъ отъ страны версальскими мудрецами...

Насъ приняли какъ нельзя болѣе радушно, насъ

всячески уговаривали остаться, не ѣздить дальше, но какъ ни соблазнительно было остаться въ этомъ солнечномъ городкѣ, такъ близко отъ Россіи — кто знаетъ, можетъ быть, можно будетъ скоро возвратиться и домой, въ тайнѣ думали многіе... — но оставаться все же было невозможно: какъ учить тутъ дѣтей? Изъ всѣхъ зарубежныхъ славянскихъ языковъ болгарскій, несомнѣнно, самый близкій къ русскому, но тѣмъ не менѣе мы едва-едва сговаривались съ болгарами. Многіе слова ихъ звучали чрезвычайно забавно для русскаго уха: отель былъ у нихъ хотель, борщъ со свиной — свинскій борщъ, тушеная курица — кокошка задушена, а цѣлый рядъ невиннѣйшихъ русскихъ словъ, какъ таже курица, печка, спички пріобрѣтали у нашихъ братушекъ совсѣмъ скандальный смыслъ... Но не одинъ языкъ былъ, конечно, причиной нашего желанія двигаться дальше, но и эта дороговизна, и эта тѣснота, и эта скудость во всемъ, не наша теперешняя русская скудость, легко переходящая въ самый страшный голодь, а просто отсутствіе прежняго изобилія, прежней поразительной дешевизны, позволявшей тутъ раньше существовать буквально на гроши. Это было слѣдствіемъ безумной европейской войны, страшные слѣды которой остались и тутъ, въ этомъ тихомъ городкѣ: вотъ построенная нѣмцами и разрушенная союзниками стратегическая желѣзная дорога, вотъ слѣды ужасныхъ бомбъ, сброшенныхъ на городокъ съ русскихъ гидроплановъ, вотъ страшные человѣческіе обломки великаго столкновенія народовъ, эти раненые, изувѣченные, слѣпые солдаты, которые сидятъ вездѣ по дорогамъ и просятъ милостыню... И, вѣроятно, сыграло въ этомъ рѣшеніи ѣхать дальше свою роль и простое любопытство — хотѣлось посмотрѣть, что стало со старой Европой за время войны...

Но хотѣтъ выѣхать и выѣхать въ наше время совсѣмъ не одно и тоже, увы! Тѣ обломки стараго режима, которые безъ боя отступали съ нами на западъ, какимъ-то чудомъ сконструировались на чужой территоріи въ разныя комиссіи и подкомиссіи и усиленно навязывали всѣмъ намъ свои визы, безъ которыхъ вы,

какъ бѣженецъ, буквально не могли ступить и шагу. Результатомъ всей этой кипучей дѣятельности по маранію паспортовъ штемпелями было, кажется, только болѣе или менѣе приличное жалованье для членовъ этихъ миссій, потеря нѣсколькихъ дней для бѣженца въ безплодномъ стояніи во всѣхъ этихъ идиотскихъ канцеляріяхъ и, наконецъ, его истощный вопль: «да когда же, наконецъ, развяжусь я со всѣмъ этимъ начальствомъ, чтобы его совсѣмъ черти взяли!..» И сидятъ, и рассматриваютъ, и мараютъ бумагу, а въ передней стоитъ на костыляхъ несчастный офицеръ, только что вырвавшійся изъ Херсонской чрезвычайки: и руки, и ноги у него поджарены, это настоящій мученикъ, но стоитъ и онъ... А когда мы, наконецъ, измазали наши паспорта до неприличія и выбрались на вокзааль, то увидѣли, что лучшіе вагоны забраны какъ разъ самими этими ловкими «миссіями», а намъ оставлены однѣ переполненныя теплушки; мопсикъ батумскаго губернатора усѣлся — конечно, бесплатно, — на бархатныхъ подушкахъ перваго класса, а наши дѣти зябли въ товарномъ вагонѣ. И когда всѣмъ этимъ героямъ прошлаго намекали осторожно, что такъ вѣдь и въ печать попасть не хитро, то они изволили пренебрежительно махать ручкой:

—Незапугаете—мыкъэтому привыкли!.. Ха-ха-ха...

Ни того, что сдѣлали они съ Россіей, ни того, что они дѣлаютъ здѣсь, — ничего, ничего не понимаютъ!.. Прости намъ, конечно, Господи, этимъ мопсикамъ, но ихъ присутствія и здѣсь едва ли можетъ особенно порадовать уставшее бѣженское сердце...

II.

И вотъ нашъ поѣздъ аккуратно въ назначенное время тронулся: генералы, ихъ милыя дамы и мопсы въ свѣтлыхъ, чистыхъ и теплыхъ вагонахъ, мы же, скромные общественные работники, раненые, изувѣченные и больные сфицеры, маленькія дѣти, какъ и полагается, въ холодныхъ товарныхъ вагонахъ, въ